

Киселев Василий Иванович, родился 30 сентября 1960 года, в п. Краснобродский, Кемеровской области. Работал на стройках народного хозяйства. В настоящее время работает заместителем директора ООО «Строитель». Живёт в п. Краснобродский, г. Белово. Печатался в периодической печати с 1984 года. Член Союза Кузбасских писателей.

СТИХИ

* * *

А я у войны до кончины в плену,
Она в моих снах до сих пор не окончена.
Огонь! - я опять ухожу на войну
И, снег обогрев, прикрываю Рагочино.

Качнётся мой друг, завалившись назад:
– Володя, держись, будем живы, Володя! -
А снег нам порошил сердца и глаза,
Я нёс старшину, утопая в болоте.

И я не донёс – умирая, мой друг
Шептал о родных и о девушке Женьке.
О, память, прошу: разорви ты свой круг –
Я вырвусь. как прежде, из пут окруженья.

Но нет... У войны до кончины в плену
Володю несу, утопая в болоте,
Клянуп непогоду и смерть прокляну:
– На свадьбе твоей погуляем, Володя...

21 ИЮНЯ 1941 г.

Школьный бал утопал в цветах,
Обещаньем любить и помнить,
Но уже надвигалась беда,
В самолёты грузились бомбы.

Сколько было приветливых лиц!..
От улыбок – как солнца, ослепнешь,
Но стоял уже враг у границ
И была тишина – последней...

И хоть ели картошку и тюрю –
Телом крепки! Мы были сильны!
Но уже бесноватый фюрер
Тыкал лапой в карту страны.

Отучиться!.. Всё знать и уметь!..
Каждый был из нас пахарь и воин,
Но круги уж сужала смерть –
Надо мной – полной дум головою.

И метался горячий ветер,
Обезумев от горя – над веком...
Через день – нашей юности свет
Гарь пожаров затмила навеки.

ЗАВЕЩАНИЕ ПАВШИХ

Люди! – Вспомните нас поимённо!
Это мы заслужили и жизнью и смертью своею,
Это нашею кровью окрашены Ваши знамёна
И на зорях вселенских она, полыхает, алея.

Были разные мы, но дрались всё ж неплохо
И страну защищали своим сердцем большим
До последнего пульса, последнего вздоха,
последнейшей пули –
Убивали фашизм!.

Не пришлось нам изведать слёз счастливых
Победы,
Нам другая отрада – были б счастливы Вы
И чтоб не было больше Курских дуг и блокады
Окружений, ранений, звёзд фанерных войны!

Пусть над миром встают только мирные зори
И играет листвой ветерок молодой.
Пусть исчезнут навек похоронки и горе,
Пусть порхает над маем мотылёк золотой.

Завещаем мы Вам – мир, залитый цветами...
Как красив в этот вечер Ваш Победы салют!
Те, кто вживе – наденьте ордена и медали,
Мы ведь насмерть стояли ради этих минут.

И, когда сквозь гранит – к нам дойдёт Ваша
радость

Дождь весенний «Славянку» с оркестром исполнит - Нам другого и большего счастья не надо:
Знать, что там, наверху, тебя любят и помнят.

* * *

... А танки всё лезли – я крыл их латынью!
– Володя, прикрой! Я у самого входа! -
Какими мы были тогда молодыми,
Спросите об этом у школьного фото.

Ах, – gloria мунди! – Попотчует гансов
Свинцовым омлетом с гранатным подливом.
Остаться живыми – нам не было шансов
Под этим кипящим осколочным ливнем.

Всего – сто патронов, ну курам же на смех,
Дым «тигров» горбатых петлял чёрной лентой.
А как мы стояли с Володею – насмерть!
Об этом расскажут седые легенды.

Мой друг бил короткими – особый в том шик!
Горящие танки смешали Быль – Небыль.
А так же хотелось с Володею жить!
Спросите об этом у майского неба.

Я горько шутил прибауткой с иронией,
Казалось, вот-вот подмога уж близко.
Какими мы были с Володей Героями
Спросите об этом у техobelisksов.

КУРСКИЕ СОЛОВЬИ

Ах, как пели тогда на заре соловьи
Оду юности нашей, – в окрестностях Курска!
И мой друг фронтовой, старшина Головин,
Уходил их послушать тропиночкой узкой.

Старшина, сам был родом из Алтайских краёв.
Молчалив, но со мной раскрывал свою душу:
– А у нас там, в Сибири, нету, брат, соловьёв
Так хоть здесь мне их надобно вдоволь послу-
шать.

Но на нас надвигалась вся в железе орда!
Всё сминая: мечты, жизни, юности, гнёзда...
И текла наша кровь, как святая вода,
От осколков и пуль укрывали берёзы.

Да! Есть, брат и вправду: упоенье в бою –
«Дегтярев» никогда не стеснён в выраженьях.
И стояли мы насмерть за Отчизну свою
В это самом кровавом – конец света, сраженье.

И пылали стада их стальных черепах -
Головин бил толково, прямою наводкой.
ПТР разносило на броне черепа –
Хоть успех отмечают наркомовской водкой.

Старшина их крушил – вот рука золотая!
– Есть! Васятка – десятый! – Головин заорал, -
– Слышь, Володя, а вправду у вас на Алтае

Зверь такой есть – я слышал, рогатый марал?
Вовчик мой улыбался: – Дай-ка лучше патроны,
Да и жажду залить, жара прямо жуть.
- Да, есть зверь, словно царь восседает на троне.
Вот окончится бой я тебе расскажу...

Но ползли и ползли стали крупповской звери.
– Эй, ты, Ганс, что, слабо: день открытых забрал?!
И открыл нам Господь, Рая райские двери
И Володю – он лучший, безвозвратно забрал.

- Кто там вякает что-то о какой-то морали?
За двоих жёг я танки, как лесных муравьёв!
Кто теперь мне расскажет об алтайском марале?
Кто меня позовёт слушать тех соловьёв?

И в Победы весну выпив водки и браги,
Без тебя было горько. не в радость гульба.
Эх, Володя! Ведь я, дошагавши до Праги,
Даже ранен, нет, не был.
Слышишь, друг, не судьба.

Да! Осталось вояк нас, неполная горстка,
В мае – снова в дорогу, в те лихие края,
Каждый год приезжаю в окрестности Курска –
Помянуть там Володю и, внимать соловьям.

МОСТ

– Накось, выкуси дулю,
Смерть, – не тронь ты меня! -
Слышу, свистнула пуля –
Значит – нет, не моя...

В этот злой круговерти,
До последнего дня
Злые ангелы смерти –
Позабыли меня.

Я на них не в обиде.
Только, жаль вот, друзей.
Мне хотелось увидеть
Их Рейхстаг, - Слышишь, Сень?

Чью-то свечку задули
Впопыхах в тех боях.
Слышу, взвизгнула пуля
- Значит. нет, не моя...

Командир – чин известный,
В выражениях прост:
– Ты хоть лопни, хоть тресни –
Но взорви ихний мост! –

Я поднялся, как в школе,
Встал в недюжинный рост:
– Старшина, будь спокоен –
Я взорву этот мост. –

Шёпот не стихает.
Падают две слезы.
Только одно витает:
- Пусть возвратится сын. –

Плачет, уставшая до смерти,
Мать в апрельскую ночь.
Только не может Господи
Ей уж ничем помочь...

ДЕНЬ ТИШИНЫ

Пурпурное солнце клонилось к закату
Такая на свете была Тишина,
Что снилось короткою ночью солдату,
Когда над страной гроыхала война?
О, та Тишина! Долгожданная, в мае...
Я твой, поседевший не к сроку сынок!
Тебя и Победу – к груди прижимаю
И плачу, не верю, что это со мной.
Но радостней слёз не бывает на свете:
Победные марши играет баян,
Приеду, женюсь, пойдут малые дети
И жизнь возвернётся на круги своя.
И ты, Тишина – будешь в этом опорой,
О, как ненавистен мне свист этих бомб!
Нет, братцы, как это всё-таки здорово,
Что живы мы! И жив – хоть потрёпан,
Наш доблестный полк!

От Солнца – веснушки и красные пятна
И каждую ночь – довоенные сны.
Давайте, устроим, праздник, ребята,
10 мая – День Тишины.

ДЕВЯТАЯ АТАКА

Разбойничий посвист нашей «Катюши» –
По гансам, по логову! – Музыкой в сердце.
Вторые уж сутки высотку утюжим
И фрицы в окопах, как куры в насесте.

Мы кур этих – бац, – и сразу в оцип!
А май 45-го буянил сиренью,
И падали звёзды в палатки-плащи,
И мысли о доме манили свирелью.

Но цепко держали они высоту.
– Ну, что же, давай-ка на выход, пехота! -
И вспомнил я, как серебрится Катунь
И отчий свой дом, озарённый восходом.

Но путь к тому дому лежал через холм -
Высотку без номера, кода и имени.
Девятой атакой: – Ты ранен, что ль, Коль?! –
Мы, словно метлой, оттуда их вымели.

И друг, истекающий кровью – серел
И мир мой из злости и мести был соткан.
И, песней о доме, – умолкла свирель,
Зарывшись в свинцовую землю высотки.

ПАМЯТЬ: ВОЛОКОЛАМСК

Ночь, вьюга... Уснуть - исхитрись-ка, попробуй!
И память меня возьмет в оборот,
И вновь поведет позабытыми тропами,
В тот первый, кромешный, расстрелянный год.

А мне быть хотелось матросом, иль юнгой,
Морями я бредил и много читал,
Но гибель родных, зловещий вой «Юнкерсов»,
Горящие села – прощайте, мечта!

И вот, мы в окопах под Волоколамском,
За нами Россия! За нами Москва!
- Володь, дай махорки и спичек, будь ласков! -
(Махорка и спички у нам нарасхват.)

ОНИ выплывали из снежного дыма,
Зловещей «свиньёй» надвигаясь на нас.
- Володя - ты справа, Иван я и Дима -
По центру, устроим же, им перепляс! -

И я , ПТР водрузивши на бруствер,
Прямую наводкой бил фрицев-рванин.
- Нет, гансы ,еще вы узнаете русских!
Наш русский характер - покрепче брони! –

От крови снега горячи и багряны.
Володя молчит, молчит Дима, Иван...
Но губы мои шептали упрямо:
- За нами Россия! За нами Москва!

Они не прошли! Вон - горят гудерьяны,
Они не прошли! Амба! Пульс засбоил...
Я еле живой, шатаюсь как пьяный,
Один брел по полю на встречу своим.

Как бесится вьюга?! Уснуть и не пробуй... -
В далекой церквушке бьют в колокола,
А я ухожу по заснеженным тропам
И курс мой, как прежде, - Волоколамск...

УТРО, ПРОХОРОВКА – 1943 г.

Село основал в старину, видно, Прохор,
Вольготно жилось, сенокос, спелость хлеба...
А ныне - вой « Юнкеров», рваное небо,
Да гусениц лязг, да пушечный грохот.

А мне, только 20, я был самый старший
На вверенном нам участке болота...
Хотелось, брат, жить, умирать – неохота:
Я не был еще на прудах Патриарших.

Да , что там! В райцентре и то был раз восемь,
Я пил там сидро и ходил в кинозалы,
Но бога войны непрерывные залпы
Сравниют с землей ту далекую осень.

В райцентре – лафа, там танцы и танго,
Вино, кореша и сказочные яства...
Ощеряясь, с тупым , нагловатом упрямством,
На нас надвигались фашистские танки.

Огонь поднимался до туч-облаков.
Прицел мой сбивала цветов позолота
Хотелось, брат, жить, умирать – неохота...
- Володь, дай воды, поделись табаком. -

Я матом ругался, звал в помощь кого-то...
Вкус крови и пота, - злость, въедливый дым...
И все полегли мы – один за одним!
На вверенном нам участке болота...

Чужая боль невыносимей
И нетерпимей, чем своя.
Но с чем сравнить мне боль России
О всех ушедших сыновьях?
О тех, которые мечтали:
– Брат, заживём! Придём с войны... -
Они стоят на пьедесталах
Среди берёз и тишины.
Читаю – сквер весенний замер –
Друзей погибших имена...
И почему я здесь, не с вами? –
Осколком в сердце жжёт вина. -
Как эта боль невыносима?!
Её ничем не заглушить.
– Прости мне, Коленька Касимов,
За то, что я остался жить...

Берёзы листва, как янтарные россыпи,
Пойдёшь, чтоб пожары в душе притушить.
В прощальном «Прости»: Левитановской осени
Поймёшь, что на свете ещё ты не жил.

Как всё случилось? Как стало? Не знаю,
Я сам был, отчасти, во всём виноват.
Петляет и манит тропинка лесная
И что-то напомнит небес синева.

Там поезд, омытый весенними грозами...
Зачем уезжал я? Билеты купил?
В прощальном: «Прости», рыже-огненной осени,
Поймёшь, что ещё ты – увы, не любил!

Берёзы в такое - скажи – не поверят,
Поверят лишь в это бессониц огни,
Да друг мой единственный – Лёха Каверин,
Расскажет тебе, если ты позвонишь.

Ты только меня не мучай вопросами
И боль мою давнюю - не бери.
В прощальном: «Прости», увядающей осени,
Услышишь заветное: - Всё впереди...

МОНОЛОГ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО НА
МОГИЛЕ АЛЕКСАНДРА ГАЛИЧА

Пригород Парижа, Сент-Женевьев-де Буа 1978 г.

В полыханье парижской осени,
Пересилив похмельный синдром,
По погосту, по травам росным
Я пришел к тебе: - Здравствуй, Сандро...
Ни креста, ни цветов, ни оградки,
Так свободнее: можно гулять.
Тишина и покой, все о порядке -
Исключительная благодать.
Только гнев мне сжимает горло,
И желваки пускаются в пляс.
Одинокий, не сломленный, гордый —
Ты Учителем был для нас!
Сколько здесь вас, изгнанников русских —
Зазнобит меня крупная дрожь...
Ты был Первым, кто встал над бруствером,
Лихо крикнув: - Все это — ложь! -
Закружили кликуши кругами:
- Вы на Запад? Когда уезжать? -
Ты был Первым, кто бросил камень
В эту жирно-чиновничью рать!
И нельзя промолчать, отсидеться,
Лечь на дно — вот об этом ты пел.
Не с того ли язык диссидентства
Люди в креслах пришили тебе?
Ты расшатывал их пьедесталы
И вгрызался в их глотки струной!

В твоих песнях трагично-кристальных
Билась правда, взлетев над страной!
И как рваные раны России,
Проступали сквозь мглу лагеря.
В них прощальные письма простые
Слали зеки своим матерям.
Твой последний поклон Пастернаку
Был у всех на слуху и устах.
Твое имя кляли, оскверняли:
- Очернитель! Заткнись! Перестань!
Заклеймен, исключен, ну, а после,
Ты покинул родимую Русь,
Но звенело в холодном Осло
Твое вещее: - Я вернусь!
Ты не смейся, когда я вернусь,
Когда пробегу, не касаясь земли,
По февральскому снегу,
По еще знакомому следу,
К теплу и ночлегу.
И, вздрогнув от счастья,
На тихий твой зов отзовусь, -
Когда я вернусь... -
О, как тяжек и горестен груз
Тех вестей прошлогодней зимою!
Я не помню, что было со мной,
Что к тебе не приехал - казниюсь...
В декабре том, священник вихрастый
«Вечну память» - пропел о тебе,
Горсть земли бросил Вика Некрасов —
Твой собрат по судьбе и беде.
А теперь вот, суди и ряди

И сули - пониманье... прощенье,
Но - я знаю! — Еще впереди
Синий свет твоего возвращенья.

Залюбуюсь - плывут облака.
Им тепло, небось, в этот день.
Далеко ль плывут? - В Абакан
Светлой памятью о тебе.
Но, как только глаза закрою -
Вижу кадры - другое кино...
(Обливается сердце кровью,
Хлеб горчит и кислит вино)
Будто в полночь в тоске глубокой
Ты бредешь по трясине и тонешь
С ностальгией и болью Набокова -
О покинутом отчем доме.
В кабаках, отрешась по-сиротски,
Пьешь... Чужой и веселью, и ругани
Одинешенек — будто бы Бродский,
На зловещем предутреннем Бруклине!
Всё... Зовёт меня мой дебаркадер,...
Что ж, прощай, одинокий изгой,
Будь высоким и здесь, Аркадьич —
Стереги наших мёртвых покой...